

УДК 94(47).031

DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-4.733-748

**«ОРДЫНСКИЙ ПЛЕН» РЯЗАНСКОГО КНЯЗЯ
ОЛЕГА ИНГВАРЕВИЧА КРАСНОГО (1238–1258 гг.):
ОТ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО МИФА
К ИСТОРИЧЕСКИМ РЕАЛИЯМ**

Л.В. Воротынцева

*Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина
Елец, Российская Федерация
leonrus1245@mail.ru*

Цель исследования: изучение механизмов формирования историографического мифа о т.н. «ордынском плене» рязанского князя Олега Ингваревича Красного и реконструкция политической истории Рязанского княжества в 40–50-х гг. XIII в.

Материалы исследования: комплекс русских летописных источников, «Повесть о разорении Рязани Батыем», «История Армении» Киракоса Гандзакеци, Анонимный грузинский «Хронограф» XIV в., «История завоевания мира» Джувейни Ата-Малика, «Сборник летописей» Рашид ад-Дина, а также «История монгалов» Плано Карпини и «Путешествие в восточные страны» Гильома де Рубрука.

Результаты и новизна исследования: на основе комплексного и всестороннего изучения нарративных источников автором статьи производится реконструкция политических контактов правящих элит Рязанского княжества с властями Монгольской империи и Улуса Джучи, происходивших в 1242–1252 гг. В частности, обосновывается тезис о получении Олегом Красным ярлыка на княжение в результате его поездки в 1242–1243 гг. в ставку ханши Туракины, а также приводится ряд дополнительных аргументов, подтверждающих мифологичность устоявшегося в научной литературе тезиса о многолетнем «ордынском (монгольском) плене» рязанского князя Олега Ингваревича Красного. Кроме того, аргументированно опровергается тезис о существовании на рубеже 40–50-х гг. XIII в. антиордынского союза русских князей Даниила Романовича Галицкого, Андрея Ярославовича Владимирского и Ярослава Ярославовича Тверского, участие в котором Олега Ингваревича Рязанского якобы послужило причиной его двухлетнего (1250–1252 гг.) заключения в ставке Бату.

Ключевые слова: Рязанское княжество, Олег Ингваревич Красный, Бату, Туракина, «ордынский плен», историографический миф, «Повесть о разорении Рязани Батыем»

Для цитирования: Воротынцева Л.В. «Ордынский плен» рязанского князя Олега Ингваревича Красного (1238–1258 гг.): от историографического мифа к историческим реалиям // Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9, № 4. С. 733–748. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-4.733-748

THE “HORDE CAPTIVITY” OF THE RYAZAN PRINCE
OLEG INGVAREVICH KRASNY (1238–1258):
FROM HISTORIOGRAPHICAL MYTH TO HISTORICAL REALITIES

L.V. Vorotyntsev

*Yelets State Ivan Bunin University
Yelets, Russian Federation
leonrus1245@mail.ru*

Abstract: *Research objective:* To both study the mechanisms of the formation of the historiographical myth about the so-called “Horde captivity” of the Ryazan Prince Oleg Ingvarevich Krasny and to reconstruct the political history of the Ryazan Principality in the 1240–50s.

Research materials: The collection of Russian chronicle sources, the “Tale of the Destruction of Ryazan by Batu”, the “Armenian History” by Kirakos Gandzaketsi, the anonymous Georgian “Chronograph” of the fourteenth century, “History of World Conqueror” by Juvaini, “Compendium of Chronicles” by Rashid al-Din, as well as the “History of the Mongols” by John of Plano Carpini, and the “Itinerarium” by William of Rubruck.

Results and novelty of the research: Based on a comprehensive study of narrative sources, the author reconstructs the political contacts of the ruling elites of the Ryazan Principality with the authorities of the Mongol Empire and the Jochid Ulus in 1242–1252. In particular, the author substantiates the thesis that Oleg Krasny received a yarliq to rule as a result of his trip to Töregene Khatun’s headquarters in 1242–1243. Also, a number of additional arguments are made to confirm the mythological nature of the thesis established in the scholarly literature about the long-term “Horde (Mongolian) captivity” of the Ryazan prince, Oleg Ingvarevich Krasny. In addition, the thesis about the existence of an anti-Horde union of Russian princes Daniil Romanovich of Halych, Andrey Yaroslavovich of Vladimir, and Yaroslav Yaroslavovich of Tver’ at the turn of the 1240–50s is argumentatively refuted along with the participation in this union of Oleg Ingvarevich of Ryazan, which allegedly caused his two-year (1250–1252) imprisonment in Batu’s headquarters.

Keywords: Ryazan Principality, Oleg Ingvarevich Krasny, Batu, Töregene Khatun, “Horde captivity”, historiographical myth, “Tale of the Destruction of Ryazan by Batu”

For citation: Vorotyntsev L.V. The “Horde Captivity” of the Ryazan Prince Oleg Ingvarevich Krasny (1238–1258): From Historiographical Myth to Historical Realities. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2021, vol. 9, no. 4, pp. 733–748. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-4.733-748 (In Russian)

Первой русской землей, подвергшейся нашествию монгольских туменов зимой 1237/38 г., стало Рязанское княжество, понесшее в результате интенсивных военных действий значительный демографический и материальный урон [25, стб. 460; 26, стб. 778–779; 22, с. 350–360; 7, с. 51–52]. Прямым следствием военного разгрома становится вхождение Рязанской земли в 30-х – начале 40-х гг. XIII в. в политическую и административно-территориальную структуру Монгольской империи и Улуса Джучи. Данный процесс сопровождался неоднократными поездками представителей рязанского княжеского дома в ставки великих ханов и главы Джучидов – Бату.

Рассматривая вопрос о контактах представителей правящей элиты Рязанского княжества с Джучидами, а также центральными властями Монгольской империи в указанный период времени, прежде всего следует отметить проб-

лему крайне незначительного объема информации, представленной в летописных источниках относительно исторических событий, происходивших в Рязанском княжестве в первые десятилетия после «Батыевой рати». Наиболее вероятным объяснением «молчания» летописей представляется наличие фактора значительной политической обособленности Рязанского княжества от основных центров летописания как Юго-Западной, так и Северо-Восточной Руси во второй половине XIII столетия. В связи с данным обстоятельством, для изучения событий раннего периода рязанско-ордынских отношений многими исследователями привлекались не только сведения летописных сводов, но и такой историко-литературный источник, как «Повесть о разорении Рязани Батыем», являющейся частью цикла повестей о Николе Заразском.

В частности, ряд дореволюционных, советских и современных российских историков широко и зачастую некритично использовали сведения, содержащиеся в «Повести...» для реконструкции генеалогического древа рязанских князей, а также событий, происходивших в период монгольского нашествия и становления политической зависимости Рязанского княжества от Монгольской империи и Улуса Джучи [44, с. 12–17; 11, с. 69–73; 46, с. 568–572; 39, с. 131–134; 35, с. 188]. Как следствие, в отечественной историографии сложился ряд устоявшихся, но не соответствующих историческим реалиям представлений о структуре государственного устройства и внешнеполитической деятельности рязанских князей в 40–50-х гг. XIII в. Целью представляемого исследования является рассмотрение с позиций критического анализа ряда историографических мифов, а также реконструкция истории Рязанского княжества начального периода эпохи ордынской зависимости.

Анализируя проблему достоверности сведений, содержащихся в «Повести о разорении Рязани Батыем», следует отметить, что в исторической науке не сложилось однозначного мнения о времени составления цикла вышеуказанного произведения древнерусской литературы. По мнению А.Г. Кузьмина, «Повесть о разорении Рязани Батыем» тесно связана с летописным сказанием о монгольском нашествии на Рязанское княжество 1237 г. Это сказание было использовано почти во всех позднейших русских летописных сводах [14, с. 55–70]. В свою очередь филолог Д.С. Лихачев относил появление начального краткого варианта «Повести...» к концу XIII – первой половине XIV в., указывая на наличие в тексте источника летописных стилистических трафаретов [21, с. 27, 32–33]. В то же время исследованиями Б.М. Клосса, В.А. Кучкина и А.О. Амелькина был доказан факт позднего (XVI в.) происхождения цикла повестей о Николе Заразском, включающем в себя и «Повесть о разорении Рязани Батыем» [17; 18; 1, с. 91].

Кроме того, необходимо учитывать, что большинство историко-литературных произведений Древней Руси представляют собой эклектический синтез реальных исторических событий и религиозных сочинений, зачастую не имевших между собой непосредственной связи. Так, «Повесть о убиении Батыя», созданная в конце XV в., отразила в идеологически переработанном виде события, связанные с монгольским вторжением в Венгрию 1285 г., на которую наслоились мотивы, относящиеся к эпизоду венгерской истории, связанной с победой короля Ласло IV над половцами у озера Ход (Худ) (1282 г.) и религиозно-миссионерской деятельностью св. Саввы Сербского [8, с. 197–198].

Ввиду указанной специфики древнерусских «Повестей» представляется весьма вероятным, что базисной основой исторических сведений для автора (или авторов) «Повести о разорении Рязани Батыем» послужили отрывочные сведения рязанских летописей, а также переработанные в контексте библейских сюжетов и житий христианских мучеников устные предания Рязанщины, легендарно отразившие реальные исторические события, в том числе эпизод, связанный с гибелью в ставке хана Менгу-Тимура сына Олега Ингваревича – Романа Ольговича Рязанского (19 июля 1270 г.) [33, с. 150; 40, с. 199–203].

Данное обстоятельство не позволяет рассматривать «Повесть...» в качестве аутентичного эпохе и заслуживающего абсолютного доверия источника. Тем не менее представляется целесообразным использовать в данном исследовании информацию, содержащуюся в «Повести...», в контексте проведения сравнительного анализа как можно большего числа нарративных источников с целью выявления механизмов формирования историографических мифов и возникновения на их основе ряда ошибочных гипотез.

Согласно сведениям летописных и историко-литературных источников, первые контакты рязанского княжеского дома с дипломатическими представителями и военно-политической элитой Монгольской империи произошли накануне вторжения войск Чингизидов в пределы русских земель поздней осенью 1237 г. [25, стб. 514; 10, с. 344–346]. Провал переговоров о заключении мирного соглашения послужил формальной причиной вторжения монгольских войск в пределы Рязанского княжества. Во время боевых действий зимы 1237/38 гг. погибает вся семья рязанского князя Юрия Ингваревича, возглавившего вместе с братьями (Олегом и Романом Ингваревичами) сопротивление завоевателям [26, стб. 778; 27, с. 75, 287; 32, с. 92].

Лаврентьевская летопись сообщает о гибели Юрия Ингваревича при обороне Рязани: «...Татарове же взяша град Резань того же месяца...и пожгоша весь и князя Юрья оубиша и княгиню его...» [25, стб. 515]. Новгородская I летопись, отмечая факт руководства обороной Рязани князем Юрием Ингваревичем, умалчивает о его судьбе после падения города: «...князь же Рязаньскыи Юрьи затворися въ граде с людми; князь же Романъ Ингоровичъ ста битися противу ихъ съ своими людми...» [27, с. 75, 287]. Согласно информации, содержащейся в Ипатьевском своде, рязанский князь был захвачен в плен во время взятия города и казнен позднее: «...взяша градъ Рязань копиемъ, изведшее на лъсти князя Юрия, и ведоша Пръньску; бебо в то время княгини его в Пръньскы; изведоша княгиню его на лъсти, убиша Юрия и княгиню его...» [26, стб. 778]. Типографская летопись также отмечает гибель всей семьи князя Юрия [32, с. 92].

Позднейший Никоновский летописный свод содержит информацию о полевом сражении объединенных сил княжества с монгольской армией и последовавшей за этим осадой Рязани: «...Князи же Рязаньстїи и Муромстїи и Пронстїи изшедше противу безбожных, и сотворишась ними брань, и бысть сеча зла и одолеша безбожнїи Измаилтяне, и бежаша князи во грады своя» [30, с. 105–106]. Согласно летописному сообщению, после разгрома рязанско-пронско-муромских дружин войска Чингизидов осадили Рязань и другие города княжества: «Татарове же, рассвирепеше зело начаша воевати землю Рязанскую съ великою яростию, и грады ихъ разбивающе, и люди секуще и жгуще, и поплениша ю и до Проньска. И придоша окаяннїи иноплеменицы

подъ град ихъ столный Рязань месяца декабря в 6 день, и острогом оградиша его, князи же Рязанстии затворишася во граде сълюдми и крепко бившеся и изнемогоша. Татарове же взяша градъ ихъ Рязань того же месяца въ 21, и пожгоша весь. А князя великого Юрья Ингваревича убиша, и княгиню его и иныхъ князей побиша» [30, с. 105–106]. В битве под Коломной (январь 1238 г.) погибает еще один представитель рязанского княжеского дома – Роман Ингваревич [25, стб. 515; 16, с. 41]. Пронскому князю Кир Михайловичу удается уйти с частью дружины на территорию Владимирского княжества: «...утече со своими людьми до Суждаля...» [26, стб. 779]. Его дальнейшая судьба неизвестна.

Мусульманские и китайские хроники, содержащие сведения об осаде и взятии Рязани объединенными силами Чингизидов, не упоминают о полевым сражении монголов с рязанскими дружинами, а также ничего не говорят о судьбе Юрия Ингваревича, равно как и о других представителях рязанского княжеского дома [37, с. 38; 20, с. 165].

А.Г. Кузьмин, проведя анализ летописных сообщений, относящихся к политической истории Рязанского княжества XIII в., пришел к обоснованному выводу о легендарности сведений «Повести о разорении Рязани Батыем», относящихся к эпизоду возвращения князей Ингваря Ингваревича (умер в 1235 г.) [42, Т. 3, с. 230] и Михаила Всеволодовича (погиб в 1217 г.) в Рязань и Пронск сразу после разорения княжества [15, с. 175–176]. Опираясь на данный вывод советского историка, Ч. Гальперин и Г.А. Шибанин высказали предположение о непосредственном управлении рязанскими землями монгольской администрацией в первые 14 лет после нашествия [5, с. 51; 45, с. 464]. В то же время отсутствие в источниках какой-либо информации, способной подтвердить вышеуказанную гипотезу исследователей, не позволяет принять ее в качестве установленного факта.

Согласно устоявшимся к XIII в. нормам древнерусского «лествичного» обычая наследования престола, после гибели правящего князя, а также его братьев и его сыновей, наиболее вероятным претендентом на рязанский стол являлся выживший в военной катастрофе монгольского нашествия сын Ингваря Ингваревича и племянник Юрия Ингваревича – Олег Ингваревич Красный, сообщения о котором сохранились в ряде летописных источников [28, с. 228; 32, стб. 52; 35, с. 165; 25, стб. 473; 29, с. 247].

В «Повести о разорении Рязани Батыем» содержится рассказ о якобы произошедшем в результате неудачного для рязанцев полевого сражения с войсками Батыя пленении и последовавшей за этим мученической гибели Олега Ингваревича зимой 1237/38 гг.: «И поидоша против нечестиваго царя Батыя, и стретоша его близ придел резанских... Ту убиен бысть благоверный князь великии Георгий Ингоревич, брат его князь Давид Ингоревич Муромский, брат его князь Глеб Ингоревич Коломенский, брат их Всеволод Проньской, и многая князи месныя и воеводы крепкыя, и воинство: удалыцы и резвцы резанския... А князя Олга Ингоревича яша еле жива суца... Царь Батый видя Олга Ингоревича велми красна и храбра и изнемогаючи от великих ран, и хотя его изврачевать от великих ран и на свою прелесть возвратити. Князь Олег Ингоревич укури царя Батыя, и нарек его безбожна, и врага христианска. Окаяный Батый и дохну огнем от мерскаго сердца своего, и въскоре повеле Олга ножи на части роздробити. Сии бо есть вторый страстоположник

Стефан приравнець своего страдания от всемилостиваго бога и испи чашу смертную своею братею ровно» [10, с. 344–361, 742–745].

Рассматривая данное сообщение литературно-исторического произведения, следует учитывать, что цикл повестей о Николе Зарайском, в который входит и «Повесть о разорении Рязани Батыем», в окончательно завершённом варианте был создан в XVI в., в период ожесточенного военного противостояния Московского царства с «татарскими» государствами, позиционировавшими себя наследниками Золотой Орды (Крымское и Казанские ханства). Сама «Повесть...» была написана автором-священником в панегирическом стиле с целью прославления династии рязанских князей и воинов, противостоящих военной угрозе со стороны степняков-иноверцев. В данных обстоятельствах вполне закономерно выглядит представленное в «Повести...» окончание истории «пленения» Олега Ингваревича как его мученической гибели за христианскую веру с отсылками к житиям раннехристианских мучеников.

Кроме того, идентичность описания казни Романа Рязанского, содержащегося в Московском летописном своде, с аналогичным эпизодом «Повести о разорении Рязани Батыем», относящимся к гибели Олега Красного в ставке Батыея [33, с. 150; 10, с. 742–745], свидетельствует о намеренном или ошибочном перенесении составителем «Повести...» событий, связанных с казнью в ставке хана Менгу-Тимура рязанского князя Романа Ольговича (1270 г.), являвшегося сыном Олега Ингваревича Красного, во времена монгольского нашествия.

Принимая во внимание вышеизложенные аргументы, а также сообщения ряда ближневосточных хронистов (Джувейни, Вассафа) о религиозной индифферентности и веротерпимости Бату [9, с. 183–184; 50, р. 267; 43, с. 84], можно сделать достаточно обоснованный вывод о том, что сообщение «Повести...» XVI в. о казни князя Олега Ингваревича в монгольском плену является позднейшей исторической легендой, не имеющей подтверждения в аутентичных эпохе письменных источниках.

Еще одним историографическим мифом, получившим широкое распространение в отечественной и отчасти в зарубежной историографии, является тезис о продолжительном (по А.Н. Насонову – 10-летнем) «ордынском пленении» Олега Ингваревича [23, с. 238; 5, с. 48]. Данный тезис основывается на отрывочном сообщении Лаврентьевской летописи, датировавшей возвращение Олега Ингваревича из Орды 6760 (1252) г. [25, стб. 473] (без указания времени и обстоятельств появления рязанского князя в ставке Бату): «...пустиша Татарове Олга князя рязаньского в свою землю...»; а также сообщениях позднейших летописных сводов и родословных середины XVI–XVII вв., содержащих информацию о 14-летнем сроке пребывания рязанского князя в ордынском плену: «Олега с собой сведе, а был 14 лет в Орде и прииде опять на свою отчину» [29, с. 247; 24, л. 291].

Вместе с тем в более ранних летописях не содержится информации о столь длительных сроках пребывания в монгольском (ордынском) «плену» как рязанских, так и в целом русских князей на протяжении всего периода ордынской зависимости [41, с. 105]. Данное обстоятельство позволяет поставить под сомнение достоверность сведений, присутствующих в Воскресенской летописи и родословных списках представителей московской аристократии, время составления которых приходится на эпоху, отделенную от

описываемых событий тремя столетиями. В то же время московским историком А.В. Кузьминым, на основе исследований ряда северорусских летописных сводов, была доказана ошибочность утвердившегося в научной литературе постулата о политическом «заложничестве» рязанского князя в ставках монгольских правителей в период с 1237 по 1252 г. [16, с. 111–136]. Тем не менее тезис о многолетнем «ордынском плене» Олега Красного продолжает встречаться в работах современных исследователей [1, с. 82; 5, с. 48; 35, с. 188]. Данное обстоятельство актуализирует необходимость исторической реконструкции событий, связанных с начальным этапом рязанско-монгольских политико-дипломатических контактов.

Первое упоминание о деятельности Олега Ингваревича как правителя Рязанской земли содержится в тексте Новгородской IV летописи, отмечающей факт вызова рязанского князя в ставку великих ханов в 1242 г.: «Иде Александр къ Батью царю, а Олегъ Рязанский къ Канови иде» [28, с. 228].

Указанная поездка вполне соответствовала распространенной в Монгольской империи политической практике посещения зависимыми правителями ставок монгольских «каанов», глав улусов, а также мест пребывания некоторых представителей имперской военной элиты, не принадлежавших к «золотому роду», но имевших полномочия региональных наместников (Чормагун, Байджу-нойон). В частности, в 40–50-х гг. XIII в. подобные визиты совершали не только представители русских княжеских домов, но и сельджукские султаны Изз ад-дин Кей-Кавус II и Рукн ад-дин, правитель Киликийской Армении – Хетум I, грузинские царевицы Давид Нарини и Давид Улу, а также ряд других династов, добровольно признавших сюзеренитет Чингизидов и стремившихся заручиться их поддержкой в борьбе с внешними врагами или при внутрдинастическом противостоянии [25, стб. 470, 471, 472; 19, с. 180–181, 222–224; 37, с. 120; 9, с. 177].

В ряде случаев поездкам указанных правителей в ставку великого хана предшествовало посещение ими ставок глав улусов или командующих монгольскими воинскими контингентами в регионе. Так, Хетум I перед поездкой к великому хану Мунке в 1253 г. посетил ставку Бачу (Байджу)-нойона «...военноначальника татарских войск, расположенных на востоке...» [18, с. 222], а Ярослав Всеволодович, получив в 1245 г. вызов от имени великого хана, предварил свою поездку в Монголию посещением ставки правителя Улуса Джучи. По сообщению Новгородской I летописи: «князь Ярославъ Всеволодиць позван цесарем татарским, и иде в татары къ Батыеву, воеводе татарьску» [27, с. 297].

По аналогии с приведенными примерами допустимо высказать предположение о том, что перед поездкой Олега Красного «к Канови» могло состояться посещение им ставки Бату. Наиболее вероятными датами вероятной поездки рязанского князя к главнокомандующему Западным походом представляются периоды между зимней кампанией монголов 1237/38 гг. и началом вторжения в Юго-Западную Русь и Восточную Европу (1240 г.), а также непосредственно перед поездкой в столицу империи, после возвращения Чингизидов в половецкие степи весной 1242 г. Вместе с тем отсутствие в источниках какой-либо информации по данному вопросу не позволяет говорить о поездке Олега к Бату как об установленном факте.

Согласно гипотезе А.Н. Насонова, рязанский князь удерживался в ставке великого хана с 1242 по 1252 г. [23, с. 238]. Однако данный тезис исследователя опровергается сообщением новгородской летописи Авраамки, отмечавший под 1243 г. возвращение рязанского князя на родину: «прииде Олегъ отъ Кана» [31, стб. 52]. Таким образом, исходя из данного летописного сообщения, можно сделать вывод о том, что поездка Олега Ингваревича к «Кану» заняла около или чуть более года и, по всей вероятности, завершилась получением ярлыка на княжение от Туракины (вдовы великого хана Угеда), являвшейся правительницей Монгольской империи в период «междоусобицы» (1241–1246 гг.) [9, с. 165–166, 168; 47, р. 240; 37, с. 11].

Основанием для подобного предположения могут являться сообщения, содержащиеся в хрониках Ата-Малика Джувейни и Киракоса Гандзакети о результатах поездок в ставки великих ханов правителей государств, признавших политическую зависимость от Чингизидов. Так, после избрания великим ханом Гуюка, ряду правителей вассальных государств, присутствовавших на курултае 1246 г., были вручены ярлыки, подтверждающие их властные полномочия: «...А султаном Рума он (Гуюк – *Л.В.*) назначил султана Рукн ад-дина, поскольку тот явился к нему заявить о своей покорности...И ярлыки были выданы султанам Такавора и Алеппо» [9, с. 177]. Главным итогом поездки царя Малой (Киликийской) Армении Хетума I в ставку великого хана Мунке в 1253 г. стало подтверждение привилегированного статуса армянского правителя как союзника Монгольской империи, а также освобождение армянской церкви от налогов: «...Преподнеся подарки, [Хетум] по достоинству был почтен им [Менгу]...[хан] пожаловал ему указ с печатью, дабы никто не смел притеснять его и страну его; он [Менгу] пожаловал также грамоту, освобождавшую повсеместно церкви [от податей]» [19, с. 224; 3, с. 67–70]. О имевшихся у Туракины полномочиях выдачи ярлыков правителям зависимых государств свидетельствует сообщение Плано Карпини, описавшего предпринятую регентшей попытку вызова в свою ставку сына умершего в Монголии Ярослава Всеволодовича – Александра, с целью «...подарить ему землю отца...» [36, с. 77–78].

Заслуживает внимания тот факт, что в год возвращения Олега Ингваревича Красного в ставку великих ханов был направлен сын владимирского князя Ярослава Всеволодовича – Константин Ярославович: «В лето 6751 (1243 г.) Великий князь Ярослав поеха в татары к Батыеву а сына своего Константина посла къ Канови» [25, стб. 470]. Разбор причин и целей поездки Константина Ярославовича не является целью данного исследования, однако следует отметить, что успешное возвращение рязанского князя из Монголии могло оказать определенное влияние на решение Ярослава Всеволодовича об отправке своего сына в ставку Туракины, пребывание которого в ханской ставке также завершилось успешным возвращением: «В лето 6753 (1245 г.)... князь Константинъ Ярославичъ приеха ис Татар от Кановичъ к отцю своему с честью» [25, стб. 470].

К сожалению, в летописных источниках никак не отражена деятельность рязанского князя в период с 1243 по 1250 г., под которым Вологодская летопись фиксирует факт вызова Олега Ингваревича в ставку Бату с последовавшим затем арестом правителя Рязани: «князь Олег Рязанской пошел в Орду и всадиша его в садъ» [34, с. 165]. Обстоятельства и причины заключения под

стражу рязанского князя не отражены в письменных источниках и находятся в сфере предположений исследователей. Согласно гипотезе А.В. Кузьмина, арест Олега Ингваревича мог быть связан с деятельностью Даниила Галицкого и митрополита Кирилла по созданию политической коалиции с участием ряда русских княжеств, сторонником которой, по мнению исследователя, мог являться и правитель Рязани [16, с. 42]. Основанием для данной гипотезы историка послужило сообщение В.Н. Татищева о приезде в Рязань митрополита Кирилла в 1250 г., основной целью поездки которого по землям Северо-Восточной Руси, по мнению А.В. Кузьмина, являлась организация антиордынского альянса [42, Т. 5, с. 40; 16, с. 42].

Рассматривая данный вопрос, следует отметить, что первым исследователем, озвучившем тезис о формировании военно-политического союза русских князей, направленного на свержение монгольской зависимости, является А.Н. Насонов, по предположению которого владимирский князь Андрей Ярославович, готовясь к антимонгольскому выступлению: «сделал **как будто** попытку войти в соглашение с Даниилом Галицким, рассчитывая очевидно, на военную помощь от папы (римского первосвященника – Л.В.)» [21, с. 240]. По всей вероятности, эта догадка историка базировалась на гипотетическом умозаключении К. Маркса о неких попытках князя Андрея Владимирского «противиться монголам», представленном в «Хронологических выписках» немецкого экономиста и философа [2, с. 145].

Впоследствии данная позиция была поддержана В.В. Каргаловым, сделавшим вывод о формировании на рубеже 1240–1250-х гг. антимонгольской коалиции. Согласно представлениям исследователя, участниками этой коалиции являлись сильнейшие русские князья того времени – Даниил Романович Галицкий, Андрей Ярославович Владимирский, и Ярослав Ярославович Тверской [12, с. 141, 142].

Вместе с тем сам факт посещения митрополитом Кириллом Рязани (сведения о котором содержатся лишь в исторических трудах В.Н. Татищева и отсутствуют в дошедших до нас летописных источниках) не может являться свидетельством светской политико-дипломатической деятельности Кирилла, как представителя дома Романовичей. Наиболее вероятной целью возможного визита киевского митрополита в Рязань могла быть ревизия Рязанской епархии недавно утвержденным предстоятелем Русской православной Церкви, равно как и других епархий Северо-Восточной Руси. По обоснованной гипотезе Т.Р. Галимова, после легитимации статуса Кирилла, произошедшей в результате поездки в Никею в 1250 г., главной задачей нового митрополита являлось сохранение контроля над епархиями Северо-Восточной Руси и недопущение церковного сепаратизма местных епископий (в первую очередь Владимирской и Новгородской), находящихся под ктиторским покровительством Ярославичей, а также других удельных князей и местной аристократии [6, с. 123–125]. В пользу данной гипотезы свидетельствует сообщение Лаврентьевской летописи об утверждении Кириллом новгородского епископа Далмата. Характерно, что во время поездки в Новгород митрополита сопровождал незадолго до этого возведенный в сан епископ Ростова [25, стб. 472].

Единственным свидетельством союзнических отношений Даниила Романовича и Андрея Ярославовича может служить сообщение Лаврентьевской летописи о бракосочетании владимирского князя и дочери Даниила Галицкого

в 1250 г.: «...тое же зимы оженися князь Ярославичь Андрей Даниловною Романовича: и венча их митрополить в Володимери у святое Богородици, съ епископом Кирилом и много веселья бысть» [25, стб. 472]. Однако ни вышеприведенное летописное сообщение, ни дальнейшее развитие военно-политических событий не позволяют говорить об антиордынской направленности данного союза, скрепленного династическим браком. Также следует отметить, что заключение в 1250 г. мирного соглашения между Даниилом Галицким и венгерским королем Белой IV, сопровождавшегося бракосочетанием сына галицкого князя Льва Даниловича и дочери правителя Венгрии, не повлекло за собой создание военного союза двух государств, направленного против Золотой Орды. Данный тезис подтверждается как отсутствием сообщений о совместных действиях галицко-волинских и венгерских войск в военных компаниях Даниила Романовича [26, стб. 809], так и фактом неоказания военной помощи Белой IV во время подхода войск Бурундая к границам владений Романовичей в 1258 г. Учитывая вышеизложенные аргументы, можно сделать вывод о научной несостоятельности гипотезы о существовании «антимонгольской коалиции» русских князей в конце 40-х – начале 50-х гг. XIII в.

Реальную причину вызова Олега Ингваревича в ставку Бату можно выявить применив методику сравнительно-исторического анализа. Аналогичный случай вызова и временного ареста правителя зависимого от монголов государства зафиксирован в армянских и грузинских источниках. По сообщению армянских хроник: «...в году 698 (1249 г.) Бачу (Байджу-нойон, командующий монгольской армией на Ближнем Востоке с 1242 г. – *Л.В.*) и его знатные люди заподозрили грузинского царя и других князей [в намерении] восстать, схватили грузинского царя Давида, а всех остальных заковали в цепи и приговорили к смерти. С божьей помощью им удалось избежать этой участи...» [3, с. 26]. Согласно сообщению грузинской летописи XIV в., подозреваемым удалось предоставить доказательства своей невиновности на судебном разбирательстве, по результатам которого они были признаны невиновными и освобождены [4, с. 198]. В 1271–1272 гг. сельджукский визирь Фахр-ал-дин Али был подвергнут процедуре судебного разбирательства в ставке ильхана Абаги, по результатам которого был лишен государственных должностей, однако сохранил жизнь и свободу [48, р. 93–94; 49, р. 320; 13, с. 374]. По предположению С.П. Карпова, на *яргу* рассматривался и некий проступок трапезундского василевса Георгия Комнина, плененного монголами в 1280 г., после чего он смог возвратиться в собственные владения [13, с. 374].

В то же время представители аристократии зависимых от монголов государств, уличенные в отношениях с враждебными государствами или подготовке мятежа, были казнены по приговорам ханского суда. Так, после попытки амирспасалара Закарэ, подозреваемого Хулагу в связях с правителем Улуса Джучи – Берке, получить убежище при дворе грузинского царя Давида Нарини, Закарэ был арестован, судим и казнен в ставке ильхана: «В ту пору отпал от каана [Хулагу – *Л.В.*]... амир-спасалар Закарэ, человек, украшенный всякими добродетелями... и бежал он в Кутаиси к Нарину Давиду, ибо ему вменяли в вину вторжение войска Берка. А царь [Давид Нарин] же доброжелательно его приветил, провел [с ним] немного времени. Затем каан клятвенно привел его [Закарэ – *Л.В.*] к себе... и казил он амир-спасалара Закарэ, человека честного и знаменитого» [4, с. 93–94]. Аналогичная участь постигла

визиря Румского (Иконийского султаната) – Муин ад-дина Перване, в отношении которого были выдвинуты обвинения в связях с мамлюкским султаном Рукн ад-дином Бейбарсом: «В конце концов вышел указ, чтобы его [Муин ад-дин Перване – Л.В.] взяли под стражу. Когда вернулись гонцы от Бундукдара [мамлюкского султана Египта Рукн ад-дин Бейбарса Бундукдари – Л.В.], они рассказали что Бундукдар говорил: “Я де пришел по просьбе Перване, потому что он пообещал, когда я приду в Румское владение, он передаст [его] мне, а когда я туда пришел, он убежал”. Когда донесли эти слова Абагу-хану, он приказал, чтобы его казнили. Первого числа месяца раби-аль-авваль 676 г. х. (2 августа 1277 г.) на летнем становище в Аладаге он был умерщвлен рукою Кучюк-Тугчи» [38, с. 89].

На основании вышеприведенных примеров допустимо высказать предположение о том, что вызов в Орду Олега Красного мог быть спровоцирован доносом и имел своей целью проведение судебного расследования. Учитывая тот факт, что ярлык, подтверждавший княжеские полномочия Олега Ингваревича, был получен в ставке Туракины-хатун и, по всей вероятности, был впоследствии подтвержден великим ханом Гуюком после его избрания в 1246 г., у Джучидов могли иметься некоторые основания для подозрений в политической нелояльности правителя Рязанского княжества. По всей вероятности, рязанский князь был подвергнут процедуре судебного разбирательства по уложениям Ясы. Ввиду отсутствия доказательств его вины в отношении Олега Ингваревича был вынесен оправдательный приговор.

Длительность пребывания рязанского князя в ставке Бату может объясняться нестабильной политической ситуацией в Монгольской империи, сложившейся после скоропостижной кончины великого хана Гуюка в 1248 г., и развернувшейся в 1248–1251 гг. борьбой за власть между различными группами монгольской знати. В этот период времени внимание Джучидов было сосредоточено на проведении курултая и поддержке своего кандидата (Менгу) на ханский престол [9, с. 398–399, 403–411; 50, р. 265; 37, с. 129–130, 131]. Кроме того, согласно сообщению Ата-Малика Джувеини, судебные процедуры на *яргу* могли иметь многомесячную продолжительность, в зависимости от сложности разбираемого дела [9, с. 354–355]. В 1252 г. Олег Ингваревич был освобожден из заключения и вернулся в Рязань: «пустиша Татарове Олга князя Рязанского в свою землю» [25, стб. 473].

Следует отметить, что в 1252 г. состоялась поездка Александра Ярославича Невского в ставку Бату. По мнению Ю.В. Селезнева, этот визит в Орду был вызван необходимостью получения ярлыка на великое княжение в связи с избранием зимой 1251 г. нового великого хана Менгу [35, с. 132], хотя источники это не фиксируют [41, с. 113]. Учитывая сообщение летописи о передаче Александру «старейшенства» «во всей братьи его» [25, стб. 473], допустимо предположить, что выдача нового ярлыка Александру состоялась в ставке правителя Улуса Джучи. По всей вероятности, аналогичные действия были проведены в отношении Олега Ингваревича Красного.

Княжеские полномочия сохранялись за Олегом Ингваревичем вплоть до его кончины в 1258 г. После смерти Олега Красного рязанский стол занимает его сын Роман Ольгович, правивший княжеством 12 лет, вплоть до своей гибели в ставке хана Менгу-Тимура в 1270 г. [33, с. 150]. По аргументированному мнению ряда исследователей, казнь рязанского князя могла быть

следствием обвинений в государственной измене и оскорблении хана Менгу-Тимура или кого-либо из представителей «Золотого рода» [47, с. 279, 280, 281; 40, с. 200, 203]. Несмотря на подобные обвинения, выдвинутые против Романа Ольговича, власти Улуса Джучи сохраняют права на престол за его сыновьями – Ярославом Романовичем и Федором Романовичем, с вероятным разделением княжества на два удела – Рязанский и Пронский. Косвенным свидетельством этому могут служить сообщения Лаврентьевской летописи о кончине братьев Романовичей, отмеченных разными владельческими титулами: «В лето 6802 (1294) преставися Федор князь Рязанский... В лето 6807 (1299) преставися князь Ярослав Пронский» [25, стб. 483; 16, с. 43].

Таким образом, основываясь на вышеизложенных материалах исследования, следует сделать вывод о научной несостоятельности гипотезы о длительном (14 или 10-летнем) «ордынском плене» рязанского князя Олега Ингваревича Красного и признать ее историографическим мифом. В реальной исторической действительности Олег Красный в 1242–1243 гг. совершил поездку в Монголию, где, по всей вероятности, получил инвеституру (подтверждение властных полномочий) от местоблюстительницы престола великих ханов – Туракины. Таким же историографическим мифом является гипотеза советских историков об «антимонгольской коалиции», активным участником которой якобы являлся и правитель Рязанского княжества. Арест в 1252 г. рязанского князя в ставке правителя Улуса Джучи – Бату, по всей вероятности, был вызван подозрениями в политической нелояльности Олега Ингваревича. Проведя в ордынском заключении около двух лет, рязанский князь был полностью восстановлен во владельческих правах и осуществлял управление княжеством вплоть до своей кончины в 1258 г., после чего ярлык на правление был выдан его сыну Роману Ольговичу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Амелькин А.О.* О времени создания и литературной истории цикла Повестей о Николe Заразском // Зарайские мученики – князь Федор, княгиня Евпраксия и их сын Иоанн. Зарайск, 1998. С. 73–100.
2. Архив Маркса и Энгельса. Т. VIII. М., 1946. 308 с.
3. Армянские источники о монголах: Извлечения из рукописей XIII–XIV вв. / пер. с древнеарм., предис. и прим. А.Г. Галстяна. М., 1962. 141 с.
4. Анонимный грузинский «Хронограф» XIV в. о народах Кавказа // Кавказский этнографический сборник. Вып. 7. М., 1980. 238 с.
5. *Гальперин Ч.* Татарское иго: образ монголов в средневековой России. Воронеж., 2012. 230 с.
6. *Галимов Т.Р.* Киевские митрополиты между Русью и Ордой (вторая половина XIII в.). Казань., 2019. 256 с.
7. *Горский А.А.* Русские земли в XIII–XIV веках: пути политического развития. М., 1996. 128 с.
8. *Горский А.А.* «Повесть о убиении Батяя» и русская литература 70-х годов XV века // Средневековая Русь. Часть 3. М., 2001. 256 с.
9. *Джувейни Ата-Малик.* Чингисхан. История завоевания мира. М., 2004. 689 с.
10. Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969. 948 с.
11. *Иловайский Д.И.* История Рязанского княжества. М., 1997. 310 с.

12. *Каргалов В.В.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. М., 1967. 266 с.
13. *Карпов С. П.* История Трапезундской империи. СПб., 2007. 624 с.
14. *Кузьмин А.Г.* Летописные известия о разорении Рязани Батыем // Вестник Московского университета. Серия 9. История. 1963. № 2. С. 55–70.
15. *Кузьмин А.Г.* Рязанское летописание. М., 1965. 286 с.
16. *Кузьмин А.В.* Рязанские, Пронские и Муромские князья в XIII – середине XIV века (историко-генеалогическое исследование) // Записки отдела рукописей РГБ. Статьи и сообщения. М., 2008. Вып. 53. С. 111–136.
17. *Клосс Б.М.* История создания Повести о Николе Заразском // Зарайск. Т. 1: Исторические реалии и легенды. М., 2002. С. 114–177.
18. *Кучкин В.А.* Ранняя история города Зарайска и проблема ее источников // Зарайск. Т. 1: Исторические реалии и легенды. М., 2002. С. 40–113.
19. *Киракос Гандзакецц.* История Армении. М., 1976. 359 с.
20. *Кычанов Е.И.* Сведения «Юань ши» о завоевании Руси монголами // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 18. 1999. С. 160–169.
21. *Лихачев Д.С.* Повести о Николе Заразском // Зарайские мученики – князь Федор, княгиня Евпраксия и их сын Иоанн. Зарайск, 1998. С. 27–35.
22. *Монгайт А.Л.* Рязанская земля. М., 1961. 400 с.
23. *Насонов А.Н.* Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. СПб., 2006. 413 с.
24. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 256. Собрание рукописей Н.П. Румянцева. № 349. Родословная книга в списке конца XVI в. Л. 289–293 об.
25. Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Л., 1926–1928. 392 с.
26. Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. 938 Стб.
27. Полное собрание русских летописей. Т. 3. Новгородская I летопись старшего и младшего изводов. М., 1950. 656 с.
28. Полное собрание русских летописей. Т. 4. Ч. 1. Новгородская IV летопись. М., 2000. 332 с.
29. Полное собрание русских летописей. Т. 7. Летопись по Воскресенскому списку. М., 2001. 360 с.
30. Полное собрание русских летописей. Т. 9, 10. Никоновская летопись. М., 1965. 244 с.
31. Полное собрание русских летописей. Т. 16. Летопись Авраамки. М., 2000. 252 с.
32. Полное собрание русских летописей. Т. 24. Типографская летопись. Пг., 1921. 272 с.
33. Полное собрание русских летописей. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. М.; Л., 1949. 464 с.
34. Полное собрание русских летописей. Т. 37. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л., 1982. 228 с.
35. *Почакаев Р.Ю.* Батый. Хан, который не был ханом. СПб., 2007. 350 с.
36. Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. 270 с.
37. *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. II. М.; Л., 1960. 248 с.
38. *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. III. М.; Л., 1946. 316 с.
39. *Рапов О.М.* Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М., 1977. 268 с.
40. *Селезнев Ю.В.* Картины ордынского ига. Воронеж, 2017. 437 с.
41. *Селезнев Ю.В.* Русские князья при дворе ханов Золотой Орды. М., 2017. 272 с.

42. *Татищев В.Н.* История Российская. М.; Л., 1964. Т. 3,5. 860 с.
43. *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II: Извлечения из персидских сочинений. М.; Л., 1941. 208 с.
44. *Тихомиров Д.П.* Исторические исследования о генеалогии князей: Рязанских, Муромских и Пронских с приложением родословных росписей. М., 1844. 38 с.
45. *Шебанин Г.А.* Историческая география западной части Рязанского княжества XII – начала XVI в. // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы. М., 2005. С. 223–226.
46. *Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, 1238 по 1405 г.: Биографические очерки по первоисточникам и главнейшим пособиям. СПб., 1891. Т. 2. 696 с.
47. *Юрченко А.Г.* Золотая Орда: между Ясой и Кораном. СПб., 2012. 368 с.
48. *Arsarrayi Kerimuddin Mahmud.* Musmeretul-ahbar. Ankara, 1944.
49. *Ibn Bibi.* Histoire des Seldjoucides d'Asie Mineure, d'après l'abrégé du Seldjouknameh d'Ibn-Bibi. Leiden, 1902. 358 p.
50. *Juvaini Ata-Malik.* Genghis Khan: The History of the World Conqueror / Boyle J.A. (tr.), Morgad D.O. (ed.). Manchester, 1997. 763 p.

Сведения об авторе: Леонид Вячеславович Воротынцев – кандидат исторических наук, научный сотрудник Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (399770, ул. Коммунаров, 28, Елец, Российская Федерация). E-mail: leonrus1245@mail.ru

*Поступила 18.08.2021 Принята к публикации 26.11.2021
Опубликована 29.12.2021*

REFERENCES

1. Amel'kin A.O. About the time of creation and literary history of the cycle of Stories about Nikola Zarazsky. *Martyrs of Zaraysk: Prince Fedor, Princess Eupraxia and Their Son, Ioann.* Zaraysk, 1998, pp. 73–100. (In Russian)
2. *Archive of Marx and Engels.* Moscow, 1946, vol. 8. 308 p. (In Russian)
3. *Armenian Sources about the Mongols: Extracts from Manuscripts of the thirteenth and fourteenth centuries.* Galstyan A.G. (tr). Moscow, 1962. 141 p. (In Russian)
4. Anonymous Georgian “Chronograph” of the fourteenth century about the Peoples of the Caucasus. *Caucasian Ethnographic Collection.* Moscow, 1980, iss. 7. 238 p. (In Russian)
5. Halperin Ch. *The Tatar Yoke: The Image of the Mongols in Medieval Russia.* Voronezh, 2012. 230 p. (In Russian)
6. Galimov T.R. *Kyiv Metropolitans between Rus' and the Horde (the second half of thirteenth century).* Kazan, 2019. 256 p. (In Russian)
7. Gorskiy A.A. *Russian Lands in the thirteenth and fourteenth centuries: Ways of Political Development.* Moscow, 1996. 128 p. (In Russian)
8. Gorskiy A.A. The “Tale of Batu’s Murder” and Russian literature of the 1470s. *Medieval Rus'.* Moscow, 2001, part 3. 256 p. (In Russian)
9. Juvaini Ata-Malik. *Genghis Khan. The History of the World-Conqueror.* Moscow, 2004. 689 p. (In Russian)
10. *Izbornik: Collection of Literary Works of Ancient Rus'.* Moscow, 1969. 948 p. (In Russian)
11. Il'ovayskiy D.I. *History of the Ryazan Principality.* Moscow, 1997. 310 p. (In Russian)

12. Kargalov V.V. *Foreign Policy Factors in the Development of Feudal Rus'*. Moscow, 1967. 266 p. (In Russian)
13. Karpov S.P. *The History of the Empire of Trebizond*. St. Petersburg, 2007. 624 p. (In Russian)
14. Kuz'min A.G. Annalistic records of the destruction of Ryazan by Batu. *Bulletin of the Moscow University, Series 9: History*. 1963, no. 2, pp. 55–70. (In Russian)
15. Kuz'min A.G. *Ryazan Chronicle Writing*. Moscow, 1965. 286 p. (In Russian)
16. Kuz'min A.V. Ryazan, Pronsk and Murom princes in the thirteenth and first half of fourteenth century (historical and genealogical research). *Notes of the Department of Manuscripts of the Russian State Library. Articles and Messages*. Moscow, 2008, iss. 53, pp. 111–136. (In Russian)
17. Kloss B.M. History of the creation of the Story about Nikola Zarazsky. *Zaraysk, Vol. 1: Historical Realities and Legends*. Moscow, 2002, pp. 114–177. (In Russian)
18. Kuchkin V.A. Early history of the town of Zaraysk and the problem of its sources. *Zaraysk, Vol. 1: Historical Realities and Legends*. Moscow, 2002, pp. 40–113. (In Russian)
19. Kirakos Gandzaketsi. *History of Armenia*. Moscow, 1976. 359 p. (In Russian)
20. Kychanov E.I. Information of the “Yuan shi” about the Mongol conquest of Rus'. *Historiography and Source Studies of the History of Asia and Africa*. 1999, iss. 18, pp. 160–169. (In Russian)
21. Likhachev D.S. Stories about Nikola Zarazsky. *Martyrs of Zaraysk: Prince Fedor, Princess Eupraxia and Their Son, Ioann*. Zaraysk, 1998, pp. 27–35. (In Russian)
22. Mongayt A.L. *The Ryazan Land*. Moscow, 1961. 400 p. (In Russian)
23. Nasonov A.N. *The Mongols and Rus'*. *History of Tatar Policies in Rus'*. St. Petersburg, 2006. 413 p. (In Russian)
24. *Department of Manuscripts of the Russian State Library*. F. 256. № 349. (In Old Russian)
25. *Complete Collection of Russian Chronicles, Vol. 1: Laurentian Chronicle*. Leningrad, 1926–1928. 392 p. (In Old Russian)
26. *Complete Collection of Russian Chronicles, Vol. 2: Hypathian Chronicle*. St. Petersburg, 1908. 938 col. (In Old Russian)
27. *Complete Collection of Russian Chronicles, Vol. 3: Novgorod First Chronicle according to the Older and Younger Redactions*. Moscow, 1950. 656 p. (In Old Russian)
28. *Complete Collection of Russian Chronicles, Vol. 4, Part 1: Novgorod Fourth Chronicle*. Moscow, 2000. 332 p. (In Old Russian)
29. *Complete Collection of Russian Chronicles, Vol. 7: Chronicle according to the Voskresensky Copy*. Moscow, 2001. 360 p. (In Old Russian)
30. *Complete Collection of Russian Chronicles, Vol. 9, 10: Nikon Chronicle*. Moscow, 1965. 244 p. (In Old Russian)
31. *Complete Collection of Russian Chronicles, Vol. 16: Avraamka's Chronicle*. Moscow, 2000. 252 p. (In Old Russian)
32. *Complete Collection of Russian Chronicles, Vol. 24: Typographic Chronicle*. Petrograd, 1921. 272 p. (In Old Russian)
33. *Complete Collection of Russian Chronicles, Vol. 25: Moscow Chronicle Collection of the end of fifteenth century*. Moscow; Leningrad, 1949. 464 p. (In Old Russian)
34. *Complete Collection of Russian Chronicles, Vol. 37: Ustyugh and Vologda Chronicles from the sixteenth to eighteenth centuries*. Leningrad, 1982. 228 p. (In Old Russian)
35. Pochekaev R.Yu. *Batu. The Khan Who Was Not a Khan*. St. Petersburg, 2007. 350 p. (In Russian)
36. *Journey to the Eastern Countries of Plano Carpini and Rubruck*. Moscow, 1957. 270 p. (In Russian)
37. Rashid al-Din. *Compendium of Chronicles*. Moscow; Leningrad, 1960, vol. 2. 248 p. (In Russian)

38. Rashid al-Din. *Compendium of Chronicles*. Moscow; Leningrad, 1948, vol. 3. 316 p. (In Russian)
39. Rapov O.M. *Princely Possessions in Rus' from the tenth to first half of thirteenth century*. Moscow, 1977. 268 p. (In Russian)
40. Seleznev Yu.V. *Images of the Horde's Yoke*. Voronezh, 2017. 437 p. (In Russian)
41. Seleznev Yu.V. *Russian Princes at the Court of the Golden Horde's Khans*. Moscow, 2017. 272 p. (In Russian)
42. Tatishchev V.N. *Russian History*. Moscow; Leningrad, 1964, vol. 3/5. 860 p. (In Russian)
43. Tizengauzen V.G. *Collection of Materials Related to the Golden Horde History, Vol. 2: Extracts from Persian Writings*. Moscow; Leningrad, 1941. 208 p. (In Russian)
44. Tikhomirov D.P. *Historical Research on the Genealogy of Princes: The Ryazan, Murom and Pronsk Princes with the Additional Genealogical Charts*. Moscow, 1844. 38 p. (In Russian)
45. Shebanin G.A. Historical geography of the western part of the Ryazan Principality from the twelfth to beginning of sixteenth century. *The Grand Principality of Ryazan: Historical and Archaeological Research and Materials*. Moscow, 2005, pp. 223–226. (In Russian)
46. Ekzemplarskiy A.V. *The Grand and Appanage Princes of Northern Rus' during the Tatar Period, from 1238 to 1405: Biographical Sketches Based on Primary Sources and Main Manuals*. St. Petersburg, 1891, vol. 2. 696 p. (In Russian)
47. Yurchenko A.G. *The Golden Horde: Between the Yasa and the Koran*. St. Petersburg, 2012. 368 p. (In Russian)
48. Arsarrayi Kerimuddin Mahmud. *Musmeretul-ahbar*. Ankara, 1944. 282 p. (In Turkish)
49. Ibn Bibi. *Histoire des Seldjoucides d'Asie Mineure, d'après l'abrégé du Seldjouknameh d'Ibn-Bibi*. Leiden, 1902. 643 p. (In French)
50. Juvaini Ata-Malik. *Genghis Khan: The History of the World Conqueror*. Boyle J.A. (tr.), Morgad D.O. (ed.). Manchester, 1997. 763 p.

About the author: Leonid V. Vorotyntsev – Cand. Sci. (History), research fellow of the Yelets State Ivan Bunin University (28, Kommunarov Str., Yelets 399770, Russian Federation). E-mail: leonrus1245@mail.ru

*Received August 18, 2021 Accepted for publication November 26, 2021
Published December 29, 2021*